



Чары Лаутаро

В начале декабря прошлого года в мире российского танго прошло знаменательное событие. В концертах в составе Solo Tango Orquesta выступил выдающийся музыкант – аргентинец Лаутаро Греко. Приезд был приурочен к международному Дню танго, которое отмечается во всем мире 11 декабря. Два концерта Лаутаро прошли на сцене Московского международного дома музыки 10 и 11 декабря. Его бандонеон с первых нот взял в плен московскую публику! В концертах приняли участие танцоры из Аргентины Милагрос Роланделли и Лисандро Эберле, Италии – Жанльеро Галди и Мария Филали и российские танцоры - Кирилл Паршаков и Анна Гудыно, Дмитрий Кузнецов и Ольга Николаева, Сергей Куркатов и Юлия Буреничева. В продолжение международного Дня танго Лаутаро выступил вместе с Solo Tango Orquesta на Танго-балу в отеле Ritz Carlton, устроенном организатором Венского бала в Москве Александром Смагиным 12 декабря.

Ну, а московские тангерос сумели услышать Лаутаро и на милонгах El Calor.

История аргентинского танго распорядилась таким образом, что из всех инструментов именно бандонеон стал безусловным символом этого танца, а его звучание начали сравнивать с пульсирующим сердцем оркестра.

В Аргентине за долгие годы сложилась плеяда выдающихся бандонеонистов. У каждого из них был свой неповторимый стиль. Но для российских ценителей музыки танго на первый план выходят прежде всего имена двух великих бандонеонистов. Это Аннибал Тройло как воплощение танго классического и Астор Пьяццолло - как танго нуэво. Московский гость Лаутаро Греко в самой Аргентине признан выдающимся представителем своего поколения. Он неизменный участник самых значимых выступлений аргентинских танго-оркестров.

Бандонеонист в третьем поколении (дед и отец) он так свободен в интерпретации танго, что каждое его выступление дарит особое ощу-

щение сиюминутного рождения богатейшей по глубине и тончайшим нюансам музыки танго.

Январь только что начавшегося года продолжил серию выступлений Лаутаро Греко в Москве. 5 января в заснеженной и праздничной столице в рамках международного танго-фестиваля Moscow Tango Holidays на сцене ММДМ прошел гала-концерт с участием Solo Tango Orquesta и в его составе Лаутаро Греко. А 22 января Лаутаро снова вместе с оркестром выступил на юбилейной милонге El Calor. Ну, а 28 января в ММДМ будет исполнена программа с интригующим названием – «Паганини бандонеона». Ее основу составят произведения любимого композитора Лаутаро Греко – Астора Пьяццоллы.

Беседа с Лаутаро была организована Ириной Перетятко, продюсером оркестра. Собственно, именно она, впечатленная игрой Лаутаро, загорелась желанием пригласить его для выступлений с Solo Tango Orquesta. Спасибо, Ирина!

Лаутаро Греко

Лаутаро, вы – поразительный музыкант, и хотелось бы понять, откуда у вас такое понимание танго. Аргентина – страна эмигрантов. Расскажите, какие у вас корни?

Л. Г. В первую очередь, как и у большинства аргентинцев, которые живут, по крайней мере, в Буэнос-Айресе, европейские. Например, мои прабабушка и прадедушка были из Италии и Испании, и даже больше из Италии. А танго действительно явилось результатом смешения культур.

Ваша фамилия созвучна имени выдающегося художника Эль Греко, а вы к Греции не имеете отношения?

Л. Г. В Италии много греков, и у многих греческие фамилии. Там это никого не удивляет, как, к примеру, у вас имя Саша.

Расскажите о вашей семье, насколько в ней была важна роль музыки? У вас есть брат – музыкант, пианист, и вы с ним выступаете вместе...

Л. Г. К нашей семье музыка танго имеет большое отношение. Мой дедушка с папиной стороны играл на бандонеоне, а дедушка со стороны мамы был певцом танго. Причем оба занимались этим профессионально. Мой папа тоже играет на бандонеоне, а мама, так же, как ее отец, была певицей, и когда папа дома брал в руки бандонеон, она всегда пела. А мы с братом в детстве сначала оба изучали игру на фортепьяно. И, конечно, всегда принимали участие в нашей семейной «группе», подключаясь к ней по очереди. Это были мои первые шаги в музыке. Так постепенно наш папа вовлек нас с братом с раннего детства в эту музыкальную профессию. Правда, тогда я ко всему этому относился в большей степени несерьезно.

Спустя годы мы с братом уже играли на фортепьяно в кафе «Тортони», причем делали это по очереди. Еще до этих выступлений наш папа показал мне некоторые аккорды на бандонеоне. И вот как-то раз, когда мы играли в «Тортони», он вдруг мне говорит, – «на следующей неделе я не смогу прийти, так что ты меня заменишь». А я только-только что начал изучать на бандонеоне, но, чтобы начать, этого оказалось достаточно. Всю эту неделю я учился как сумасшедший, и у меня получилось! Вот как раз этот момент я и считаю началом перехода к игре на бандонеоне. Как видите, все решилось не в один день, вот, мол, все – играю только на бандонеоне. Просто так сложились обстоятельства. Я начал встречаться с новыми людьми. Каждый раз они смотрели на меня с надеждами, двери для меня, как бандонеониста, открывались, и я уже не смог вернуться назад.



И все-таки как музыкант вы получили образование в консерватории Буэнос-Айреса как пианист. Что вам дало как музыканту именно такое образование?

Л. Г. Я считаю, что в моем развитии мне помогли две составляющие. Первая – это образование в консерватории и вторая – влияние популярной музыки. Меня сформировала вот эта смесь. В отличие от фортепьяно, у бандонеона нет такой истории обучения игры на инструменте. А школе игры на фортепьяно более 300 лет, и при этом техника постоянно совершенствуется. А если говорить о бандонеоне, то каждый музыкант делает так, как умеет, и у каждого свой путь. Я, например, учился играть на бандонеоне у своего папы, потом уже самостоятельно начал брать что-то у тех людей, которые мне встречались. Просто смотрел, как они играют. Но не было каких-то специальных уроков обучения на бандонеоне. И как раз в этом мне и помогло мое консерваторское образование. В игре на фортепьяно есть определенный порядок обучения, и я мог взять что-то из него и применить к игре на бандонеоне. Но вот, насколько я знаю, вы сейчас хотите продолжить музыкальное образование на факультете композиции. А почему у вас возникло такое желание?

Л. Г. Да, вплоть до последнего момента я в основном занимался инструментом, а сейчас действительно хотел бы улучшить композицию.

Мне бы хотелось вернуться к бандонеону и затронуть того композитора, который, как мне кажется, вам наиболее близок, Астора Пьяццоллу. Бандонеон постоянно присутствовал в вашей семье. Но все-таки, может быть, именно музыка Пьяццоллы послужила решающим фактором вашего окончательного поворота к бандонеону?

Л. Г. Музыка Пьяццоллы мне нравилась всегда. Но однажды в моей жизни произошел особый случай – я услышал, как один современный оркестр исполнял Пьяццоллу в оригинальных аранжировках. Сейчас это очень популярно, а раньше такого не было. А в отношении Пьяццоллы исполнение оригинальных аранжировок является одной из фундаментальных характеристик его музыки. Чрезвычайно важно не только, что играют, но и как играют. Я не уверен в том, что начал играть на бандонеоне из-за музыки Пьяццоллы. Но я уверен том, что я играю на бандонеоне и музыка Пьяццоллы мне очень нравится.

А чем он вас так притягивает?



> Ирина Перетятко, Лаутаро Греко, Глеб Панфилов и Александр Рязанов



Л. Г. Мне нравится все! Нравятся его абсолютно разные вещи. Пьяцолла всегда эволюционировал и расширял горизонты своей музыки. Я даже могу сказать так, что во всем том новом, что мы сейчас видим в танго, видны посаженные Пьяцоллой зерна.

Ну, а поскольку, как и Пьяцолла вы тоже собираетесь заняться композицией, вы планируете двигаться в том же направлении?

Л. Г. Путь очень простой - учиться композиции и писать музыку. Стараться делать вещи оригинальные, но при этом оставаться в рамках жанра танго. А также мне бы хоте-

лось развиваться одновременно и как композитору, и как исполнителю.

Лаутаро, а если заглянуть в историю, кого из бандонеонистов вы бы выделили?

Л. Г. Для меня это Леопольдо Фредерико. К счастью, я смог вместе с ним играть в последние годы его оркестра и, конечно, учиться. Леопольдо я знал лично, это был прекрасный человек. Он показал, что можно быть и великим бандонеонистом, и прекрасным человеком. Это очень важно. У меня также была возможность играть с Хуаном Паресом. Я его знал как певца, и нельзя сказать, чтобы им восхищался. Но, когда я с ним познакомился и увидел, как он играет, он произвел на меня очень сильное впечатление. Особенно своей способностью импровизировать.

За вашу жизнь у вас было бесчисленное число выступлений с самыми разными оркестрами, музыкантами. А вот после какого выступления вы могли бы себе сказать, что, да, сегодня у меня получилось?

Л. Г. Я могу, наверное, выделить моменты игры с великими музыкантами, вошедшими в историю танго. Именно благодаря тому, что я находился рядом с ними, я мог учиться. В том числе и тому, как позиционировать себя перед публикой. Я играл с двумя последними пианистами Тройло - Освальдо Берлингieri (Oswaldo Berlingieri) и Хосе Колангело (Jose Colangelo). Также играл вместе с Фернандо Суарез Паз (Fernando Suarez Paz), последним скрипачом Астора Пьяцолло. Это настолько ценно! Находясь с этими людьми, понимаешь, что они были там, в том времени, когда танго формировалось. Они все это видели. В то время была особая манера исполнения, форма подачи музыки. Я мог наблюдать, как они себя ведут, и как танго выходит изнутри. Это самое сложное для понимания и самое сложное для обучения. Технику можно освоить, затратив на это часы, и дома. Но когда ты на сцене, ты уже играешь, тебе надо позволить выйти музыке. И я считаю, что они это как раз и продемонстрировали самым наилучшим образом. И неважно было, в каком месте мы выступали. Это мог быть и какой-то очень популярный, известный театр, а могло быть и просто обычное заведение.

Я была на вашем концерте. Вы только что сказали, что на концерте надо «дать музыке выйти». И у вас это получилось в полной мере. Я просто хочу выразить свое восхищение вашим исполнением и вашим пониманием танго, его природы. В России вы впервые и выступали с новыми для себя музыкантами – Solo Tango Orquesta. Каковы ваши впечатления?

Л. Г. Меня очень удивила встреча как с этим оркестром, так и в целом то, как русские принимают танго - будь то в музыке или в танце. А говоря о музыкантах, находящихся так далеко от Буэнос-Айреса, я с большим интересом наблюдал за их пониманием музыки танго. Видно, что они делают свое дело с любовью и уважением.

В этот раз в Москве вы выступали и на концертах, и на милонге. А как в вашей жизни распределяется время между этими двумя важнейшими составляющими аргентинского танго? Часто ли играете на милонгах?

Л. Г. В Буэнос-Айресе я на милонгах много не выступаю. Я так делал раньше. Как музыканту мне, конечно, больше нравятся концерты. Но на милонгах мне нравится выступать в роли человека, творящего музыку для людей танцующих. Другими словами играть танцевальную музыку. Ну, это по крайней мере, в моем понимании, ведь я сам не танцую (смеется - ред.).

Насколько я поняла, вы ведете большую гастрольную жизнь. Совсем недавно у вас был тур по Южной Америке. Вы были в Чили, Перу. Мне интересны ваши впечатления от этого музыкального тура...

Л. Г. В Перу я ездил с «Квartetом Астора Пьяцоллы». Мы выступали в театре «Националь», где нас очень хорошо приняла публика. В Чили я гастролировал со своим братом, и у нас были выступления с местным оркестром. Одна программа была посвящена тоже музыке Пьяцоллы, но с собственными аранжировками. И был еще специальный концерт, программа которого включала музыку только Гарделя, поскольку в этом году (беседа прошла в декабре 2015 года - ред.) исполнилось 80 лет со дня его смерти. Конечно, Гарделя знают во всем мире, начиная с Японии, и в Чили тоже. И люди замечательно приняли этот концерт. Для меня честь, играя на бандонеоне, исполнять музыку Гарделя.

Представить жизнь танго в Буэнос-Айресе без ежегодного фестиваля «Мундиале», организуемым столичным правительством, невозможно. В России мы прежде всего знаем о его танцевальной стороне. А какова музыкальная? И каково ваше в ней участие?

Л. Г. Сначала возник музыкальный фестиваль и только потом танцевальный. Со временем их объединили. И теперь в течение недели сначала в Луна-парке выступают му-

зыканты, а потом - танцоры. На этом фестивале представлено все, что на сегодняшний день в танго существует. Я играю каждый год. Но как-то раз была подготовлена и специальная программа с выступлениями лучших бандонеонистов?

Л. Г. Действительно был такой проект «Бандонеонаса», в который пригласили самых выдающихся исполнителей игры на бандонеоне. Это Нестор Маркони, Хулио Панне и Хуан Хосе Мосалини. А из нового поколения пригласили меня.

А что вы можете сказать о старом поколении?

Л. Г. В истории Аргентины были разные периоды, и не так давно был как раз тот, когда бандонеон, так же как и само танго, как будто умерли. Продолжалось это около 20 лет. И мне папа рассказывал, что ему было даже стыдно играть на улице на бандонеоне, поскольку люди на него смотрели с осуждением. Очень многие музыканты, которые профессионально играли танго, в этот момент начали заниматься чем-то другим. Например, бандонеонист Карлос Пасо в 80-е годы переквалифицировался в каменщика по надгробиям. А моему папе пришлось начать работать психологом. И такая ситуация



> Дмитрий Кузнецов и Ольга Николаева, Сергей Курнатов и Юлия Буреничева, Лаутаро Греко, Александр Рязанов, Милагрос Роланделли и Лисандро Эберле, Жанпьеро Галди и Мария Филали (первый ряд), Артем Тимин, Илья Алпеев (второй ряд)



была как в танце, так и в музыке. Для танго это был переломный момент.

Есть уникальная фотография, на которой с бандонеонами сфотографировалось очень много музыкантов...

Л. Г. Эта фотография была сделана 11 июля в День бандонеона. А 11 июля потому, что это день рождения Аннибала Тройло.

В прошлом году отмечалось столетие со дня рождения Тройло, и оркестр Solo Tango Orquesta подготовил специальную программу «Тройлиана», в которую вошли танго самого Тройло и танго-посвящение ему от Астора Пьяццоллы. Мы тоже в России отметили эту памятную дату. А можно об этой фотографии немного поподробнее?

Л. Г. Она была сделана в 2004 году в театре «Колон». Музыканты, а их было около 90 человек, не играли, а только фотографировались. И как раз на этой фотографии есть мой папа и мой дедушка. А меня не было, я в то время был в Японии.

Как вы считаете, сколько бандонеонистов должно быть в оркестре для идеального звучания?

Л. Г. Я не знаю. Обычно хорошее звучание дают четыре инструмента, но это для решения конкретной музыкальной задачи. Она всегда есть, и порой бывает нужен только один бандонеон. Мне кажется, четыре-пять это хорошее число.

А вот в знаменитом оркестре Д'Арьенцо было шесть бандонеонов, и они на концерте творили что-то невозможное. Наверняка, есть такая проблема как сыгранность. Неужели в то время они были такие мастера, что им это не требовалось?

Л. Г. На самом деле в тот период была немного другая ситуация. Каждый музыкант играл в каком-то определенном оркестре и все. Он играл только там. И, конечно, они каждую неделю репетировали вместе, и, конечно, очень много играли. Не знаю, каждый день или нет.

Как-то раз в фейсбуке мне попалась на глаза старая аргентинская газета с расписанием милонг. И на каждой играли разные оркестры. А сейчас вместо них диджеи...

Л. Г. Вот потому музыканты в одном оркестре и играли, что они играли постоянно. И

они могли спокойно работать. Играя в одном оркестре, они имели только один репертуар - 30-40 танго. И все, ты играл только это. С тех пор очень многое изменилось. Всегда играют разные вещи. Тебе приходится читать что-то новое, находить что-то новое, играть всегда что-то другое. Сейчас музыкант должен быть готов сыграть что угодно и уметь это подготовить за короткий промежуток времени. Это как раз очень важное отличие. При этом раньше музыканты могли много заниматься, а сейчас реальность такова, что мы себе этого позволить не можем. Поэтому сегодня музыканта отличает способность быстро адаптироваться к чему-то новому.

Ну, и в заключение, Лаутаро. Какое танго вы могли бы сыграть, чтобы представить себя сегодня, в декабре 2015 года?

Л. Г. Это сочинение Астора Пьяццоллы Tristezas de un Doble.

Спасибо, Лаутаро, за беседу и ждем вас снова в Москве!

Беседу вела Светлана Котова
Фото Владимир Косарев
Перевод Екатерина Егорова